

УДК 392

DOI 10.24411/1026-8804-2020-10026

История этнической идентификации уйльта Сахалина

Владимир Викторович Подмаскин,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: podmaskin@yandex.ru

Роман Витальевич Гвоздев,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: groma@inbox.ru

В статье рассматривается динамика формирования этнонимов уйльта Сахалина с середины XIX до начала XXI в. Тунгусо-маньчжурская общность острова имела несколько самоназваний, что создавало путаницу и препятствовало установлению аутентичного самоназвания формирующегося этноса. Возможно, что в середине XIX в., когда русские познакомились с ороками, живущими на Сахалине, у тех ещё не было идентичного самоназвания, а функционировала система взаимосвязанных этнонимов, состоящих из нескольких названий. Это могли быть названия, данные им соседями, или же просто наименования народов-соседей. Иногда представители этой этнической общности именовали себя *нани* в соответствии с принадлежностью к народам материка, с которыми имели тесные родственные и историко-культурные взаимоотношения. Поэтому термины *уйльта*, *ороки*, *орочёны*, сохраняясь в этническом самосознании, не стали индикаторами окончательно сформированного самоназвания. В качестве самостоятельной категории самоназвание проявилось в давно утраченном этнониме *нани*, семантически восходящем к слову со значением «человек», «люди», характерном для народов Нижнего Амура и Сахалина в прошлом. Вероятно, аутентичность происхождения этнического самоназвания *нани* должна быть отнесена к наиболее раннему пласту этногенеза, эпохе разложения первобытного строя, знаменовавшейся переходом от родовых отношений к территориальным связям.

Ключевые слова: уйльта, ороки, орочёны, тазы, нани, динамика, самоназвание, самосознание, Нижний Амур, Сахалин.

History of Ethnic Identification of Sakhalin Uilta.

Vladimir Podmaskin, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: podmaskin@yandex.ru.

Roman Gvozdev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: groma@inbox.ru.

The paper discusses the formation of ethnonyms of the Sakhalin Uilta from the middle of the nineteenth century to the beginning of the twenty-first century. The Manchu-Tungus community of the island had several self-designations that created confusion and made it difficult to determine the authentic native name for the emerging ethnic group. Probably, in the middle of the nineteenth century, when the Russians met the Oroks who lived on Sakhalin, they did not have an identical name. They had a system of interrelated ethnonyms, which consisted of several names: the names could be given them by neighbors or they could be just names of neighbors. Sometimes they called themselves *Nani* as they belonged to the peoples of the mainland, with whom they had close kinship and historical and cultural relations. Therefore, the terms *Uilta*, *Orok*, *Oroqens*, remaining in ethnic identity, didn't become indicators of finally formed ethnic self-designation. As an independent category, the self-designation manifested in the long-lost ethnonym *Nani* semantically related to the word "man", "people", which was typical for the peoples of the Lower Amur and Sakhalin in the past. Probably, the authentic origin of the ethnic self-name *Nani* should be attributed to the earliest layer of ethnogenesis, the era of decomposition of the primitive society, which marked the transition from tribal relations to territorial relations.

Keywords: Uilta, Oroks, Oroqens, Tazy, Nani, dynamics, self-name, self-awareness, Lower Amur, Sakhalin.

В литературе досоветского и советского периодов уйльта Сахалина известны преимущественно под наименованием *ороки* или *орочёны*. Л.И. Шренком отмечены названия, под которыми ороки были описаны до него: *ороцко*, *орунчун* (*голунчун*, *элунчун*), *ороко* (*оронгта*), *орохко* [38, с. 137]. Изучая историю и культуру тунгусо-маньчжурской общности Сахалина, исследователи записали ещё ряд названий: *ольча*, *ороч* (*орочисэл*), *орочён* (*орончен*, *орочон*), *ороки*, *нани* (*нении*), *уйлта*, (*уйльта*, *улта*, *уйта*, *уйльта*, *ульта*, *ульча*) [19, с. 172; 17, с. 56–58]. Л.Я. Штернберг указывает, что амурские эвенки, ульчи и орочи называют ороков *ольча* и *ульча*, сахалинские гиялки — *орныр*, амурские гиялки — *тозунг* ~ *тазунг* [39, с. 398]. В 1929 г. японский исследователь Нагане Сукехацци отметил, что слова *ороко*, *орокко* являются айнскими, позднее их заимствовали японцы. Русские этот народ называют *орочёны* (*орочо-ны*). Имеются для уйльта также названия в языках некоторых других соседних народов: эвенкийское — *ульчан*; сахалинское — *орочель*; нивхское — *оронгор*, *орингири*, *орнгор нонок*, *ороко*; негидальское — *уйльчар*

(*ульчар*); ульчское и нанайское — *нани*, *уйлча* (*ульча*). В английском ороков называют *Uilta, Ulta, Orok*; в немецком — *Orokko, Oroke*; французском — *Orok* [1, с. 244]. Отмечено несколько самоназваний: *yuma* [ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 36. Л. 8], *ульта* ~ *уйльта* [19, с. 172], *улта орок*, *ороки* [18, с. 172], *нани* [27, с. 120, 141]. Аутентичность самоназвания данной этнической общности, как считают многие исследователи, до сих пор не установлена [34, с. 15]. Наличие этноязыковой терминологии, включающей в себя родовой, территориальный и локальный уровни, характерно для народности с незавершённым процессом этнической консолидации. Многоступенчатость самоназваний — показатель неоднородности самосознания, что, в свою очередь, является признаком формирующегося этноса.

Название тунгусо-маньчжуров Сахалина *ороки* было введено в научный обиход Л.И. Шренком. Сами ороки в то время так себя не называли [38, с. 135]. Первое упоминание об этом народе принадлежит русскому этнографу, участнику второй Камчатской экспедиции (1733—1743) Я.И. Линденау [13, с. 36]. Удские тунгусы рассказывали ему о народе *орис* (*орил*), жившем на большом острове в океане [16, с. 856].

Русская географическая литература и русское население Сахалина часто называли и называют тунгусо-маньчжуров острова орочёнами. Данная традиция, поддерживаемая отчасти и самим коренным населением, видимо, продолжает оказывать влияние на местный демографический учёт. Ещё всероссийская перепись населения 2002 г. подтвердила сложность процесса самоидентификации уйльта. Из 346 человек 190 назвали себя орочёнами, 72 — уйльта, 42 — улта и 37 — ороками [9, с. 23, 936]. Большинство представителей данного этноса признали самоназвание *орочёны*, т.е. русский вариант, записанный в паспортах.

Орочёны — выходящее из употребления название многих тунгусоязычных этнографических групп от Байкала до Тихого океана, распространилось с XVII в. на орочей, удэгейцев, эвенков и амурских эвенков [35, с. 311—314]. Впервые данный термин записал католический миссионер Жербийон в XVII в., услышавший его от пленного русского. С конца XIX в. группы орочёнов известны среди тунгусского населения Верхнего Приамурья [8, с. 19]. Высказывалось предположение, что этим словом маньчжуры называли всех «оленных тунгусов». Л.И. Шренк отметил, что китайцы жителей, держащих домашних оленей, именовали маньчжурским словом *орунчунь* [38, с. 136]. Архимандрит Палладий упоминает их под именем *ороньчо*. В записях метрических книг православных церквей с 1868 по 1917 г. они отмечены как «кочующие орочёны» [ГАСО. Ф. 23-И. Оп. 1. Д. 22. Л. 105, 118, 195—200, 163—266].

Термин *орочён* до сих пор остаётся спорным. Механизм его обретения и превращения в самоназвание не прояснён, аутентичность окончательно не доказана. По звуковому совпадению он стыкуется с тунгусским названием домашнего оленя *оро* (*орон*). Н. Бичурин, Р. Маак, Л. Шренк,

опираясь на китайские источники, также считали, что слово *орочён* образовано от маньчжурского *орон* — «олень» [38, с. 137; 14, с. 36].

Новую гипотезу о происхождении термина *орочён* выдвинула Г.М. Василевич; по её мнению, он «не имеет никакого отношения к слову *орон* — „олень“, суффикс *-чен* у амурско-алданских эвенков обозначает жителя по местности и, следовательно, *орочён* — „житель Оро“. На ряде примеров она показала, что этноним относился также к коневодческим и собаководческим племенам верхних правых притоков Амура, он и был закреплён за ними как официальный. Любопытно, что в описании быта *орочёнов* (1686) с правых средних притоков Амура ни разу не упоминаются олени, но, как было отмечено ранее [4, с. 11—12], до своего ухода на север часть уйльта была знакома с животноводством. Возможно, они применили эти навыки для освоения нового занятия — оленеводства, соответствующего условиям изменившейся естественно-географической среды.

Ряд источников свидетельствуют о том, что некоторые родовые сообщества, сформировавшие народ уйльта, в древности жили на материке в районе р. Амур (местность Оро) [5, с. 34; 13, с. 37]. Миграция была вызвана разными причинами: необходимостью расширения пастбищ для оленей, эпидемиями, притеснением со стороны соседних народов и пр. Бытует ряд исторических преданий, повествующих о приходе уйльта на о. Сахалин с материка [16, с. 859]. Один из средних притоков Амура и весь его бассейн раньше назывался по-эвенкийски Оро [24, с. 165—166]. В таком случае словом *орочён* могли обозначать жителя местности Оро. Данный топоним сопоставим с тюркским *огин* — «место», «местность», «местожительство», «стоянка», «область», «страна». Его дериваты — *орон*, *орын*, *орен*, *орин*, *уран*, *урун*, *урын*, что соответствует монгольскому *орун*, *орон* — «государство», «страна», «край», «местность», «место». Отсюда — уйльтинское *оро(н)* — «место», маньчжурское *орон* — «место», «местоположение» [14, с. 418]. Таким образом, вероятно, этнонимы *оронгор*, *орунчун*, *оронч*, которые давались уйльта соседними народами, связаны с названием местности Оро. Наименование группы по названию места обитания отмечено у многих народов в эпоху охотничье-собираательского хозяйства [36, с. 7]. Судя по этнографическим материалам, у архаических охотников и собирателей преобладали названия конкретной территории обитания по её производственным и пищевым ресурсам [36, с. 8]. Логично было бы их рассматривать не как этнонимы, а как предэтнимы. Необходимо отметить, что уйльта, занимая свободные территории на Сахалине, дали порядка 10 названий представителям местной флоры [37, с. 229—230].

Как видим, в прошлом шло разграничение не только по этнической идентификации, но и по иным признакам, т.е. существовала идентичность разного уровня. Ранее было рассмотрено предположение, что слово *орочен* первоначально обозначало жителей местности Оро, которые, возможно, и приучили оленя к верховой езде [5, с. 34]. В тех местах кочевали

торгани (можно сопоставить с монгольским племенем конных охотников торгут), которые вышли на северо-восток (в район Охотска) в XVII в. и смешались с тунгусами. Они, вероятно, вошли в состав уйльта Сахалина с названием рода Ториса.

Согласно сообщению эвенков-манегров, местность Оро находится около бывшего Албазинского острога, где до прихода русских жили дауры — земледельцы и скотоводы [24, с. 66]. Однако в этой местности с её жарким летом, обилием гнуса и отсутствием специфических кормов оленеводство попросту невозможно. Вероятно, мигрировавшие потомки этих жителей, имея опыт скотоводства, приучили оленей к верховой езде. Неслучайно в эпических сказаниях уйльта упоминается, что некоторые их роды прежде жили в районе Амура [27, с. 72]. До недавнего времени сами уйльта именовали себя ороками (ороко, орокко, орохко) только в том случае, когда общались с народами, у которых они известны под этим названием [20, с. 6]. Этноним употреблялся соседними нивхами, айнами и японцами. Отголоски прежнего родового названия можно видеть в Углегорском районе Сахалина в топониме *Орокес* [6, с. 99].

Этноним *орок* может иметь опосредованную связь с тунгусо-маньчжурским словом *орокто*, известным эвенкам, солонам, эвенам, негидальцам, орочам, орокам, удэгейцам, нанайцам и маньчжурам [18, с. 120; 27, с. 125; 29, с. 24]. Оно служило названием для сухой травы осоки, считавшейся одной из трёх драгоценностей Маньчжурии наряду с женьшенем и соболем. Охотники и рыболовы Нижнего Амура и Сахалина издавна применяли её в качестве подстилки в обувь *ула* [30, с. 93]. В эвенкийском языке слово *ула* до сих пор используется в значении «обувь», а также «стелька (травяная)» [29, с. 257]. В Северной Джунгарии (Синьцзян) есть большое озеро Улюнгур, название происходит от монгольского *олен* — «крупная болотистая, луговая осока» [14, с. 299]. Обязательной принадлежностью *ула* является пучок волосистой осоки *фою орхо*, используемый маньчжурами для обёртки ступней ног. Употребление осоки как главного материала для указанной выше цели было характерно не только для маньчжуров, китайцев и народов Амуро-Сахалинского региона, но и для других народов Азии: её использовали для подстилки, ею конопатили щели, набивали подушки, матрацы и одеяла, делали трут, а также изготавливали из неё предметы культа. В прошлом у народов Приморья и Приамурья имело распространение плетение веревок из пучков осоки; из этой травы изготавливались циновки и сумки, она применялась в похоронной обрядности удэгейцев. Маньчжуры в древности при военных маршах употребляли знамёна, плетённые из этой травы. Как уже говорилось, эвенки, солоны, эвены, негидальцы, орочи, ороки, удэгейцы, нанайцы и маньчжуры заросли сухой травы осоки называют *орокто* [29, с. 24]. Таким образом, этноним *ороки* (*орочёны*) может быть соотнесён с характерным признаком местности проживания [13, с. 51—65], отражающим

специфику вида хозяйствования. Возможно, этноним постепенно утратил первоначальный смысл и закрепился в литературе как маньчжурское слово со значением «оленные», сохраняясь в сознании рассматриваемой этнической общности до настоящего времени. Тем не менее, данная гипотеза требует дополнительных исследований.

Относительно наименования *уйлта* ~ *уйльта* также развернулась долговременная научная дискуссия. Этнограф Л.О. Алпатов писал: «Народ, названный академиком Шренком ороками, так сам себя не называет. Имя народу уильта» [2, с. 65]. Этимология слова *уйлта* ~ *уйльта* (как и *ульча*) неясна. Сами уильта своего самоназвания никак не поясняют и употребляют его как неразложимый термин для обозначения своей народности. По предположению Т.И. Петровой, основа *-ул-* ~ *-уйл-* может быть связана с названием какой-либо местности, возможно реки, по типу: *Валетта* — название орокского рода, *Валу* ~ *Вал* — название реки. Суффикс *-та* можно также сопоставить с конечным элементом, имеющимся в родовых названиях *Гетта*, *Муэттэ*, придав ему значение множественности, собирательности [20, с. 6].

По другой версии, этноним *уйльта* происходит от слова *ула* — «домашний олень». Следуя этой логике, *уйльта* означает «оленный» или «люди, которые разводят *ула* (домашних оленей)» [12, с. 12]. Отсюда *уйльта* ~ *уйлта* (*ульча*) — другое самоназвание ороков [29, с. 263]. Однако и это утверждение не получило чёткого обоснования.

Следующая версия возводит этноним *уйльта* к родовому наименованию эвенков *Улэт* ~ *Улэгир*. С ним связаны гидронимы: *Улэгир* — в бассейне Зеи и Селемджи; *Улятун* — приток Онона; *Улэгир* — притоки Нимана в бассейне Алдана; *Ул* — приток Амура ниже Хабаровска. На Сахалине также отмечен гидроним *Ул* — название реки на юге острова. Разные суффиксы родовой принадлежности, которые можно выделить в названиях, датируемых XVII в., говорят о древности рассматриваемого этнонима. Как считает Г.М. Василевич, корень *-улэ-* может восходить к *олот* — названию одной из ветвей ойратов. По Санан Сэцэну, в одном из монгольских преданий это племя записано как *угэлэт*. Такое же название встречается среди эвенкийских родов, что подтверждает его связь с монгольским этнонимом. Это же название бытовало у маньчжуров и бурят [4, с. 281].

П. Глен и Ф. Шмидт в середине XIX в. северную группу тунгусо-маньчжуров Сахалина называли *ольча* [37, с. 87]. Очевидно, этноним связан с названием *ульчи* (русская форма множественного числа) — народностью, обитающей в Хабаровском крае (бассейн нижнего течения р. Амур); принятое официально с 1926 г. *ульчи* привилось и стало самоназванием. Эндоэтноним *уйлта* ~ *уйльта* послужил Ф. Шмидту основанием для отождествления уйльта с ульчами. Этимологическое значение спорно; его связывали с *ула* — «коса», *уль* — «нерпа», *улра* — «рыба», *ула* — «олень», *ули* — «река» [17, с. 62].

Исследователь А.Ф. Старцев, изучая утраченные этнонимы уйльта *ороки* и *орочёны*, считает, что «первичным самоназванием ороков был этноним *орочёны*». Доказывая тезис «ороки — орочёны, а не уйльта!», он попытался «реставрировать» два термина и ввести их в обиход, считая исторически обоснованными [31, с. 150]. Термин *уйльта*, введенный в обращение административным путём и утвердившийся в научной литературе постсоветского периода, постепенно становится привычным для местных жителей и воспринимается окружающими этносами как самоназвание [33; 13; 25]. Данный этноним включён в официальный перечень коренного населения тунгусо-маньчжурской группы Сахалинской области. Доминирование уйльтинской идентичности подтвердила и перепись 2010 г. [10, с. 19].

Превращение конгломерата близкородственных, но этнически неопределённых тунгусо-маньчжурских родовых групп в этническую общность явилось результатом стечения ряда обстоятельств, и решающую роль в выделении уйльта из общего массива тунгусо-маньчжуров сыграл случайный фактор идентификации [13, с. 12]. Речь идёт об искусственно сконструированной этноидентификации уйльта в результате целенаправленной деятельности государства через созданную им систему образования, средств массовой информации, политических структур, паспортизации. Немалую роль в закреплении этнонима *уйльта* и внедрении его в самосознание населения сыграла национальная интеллигенция [34, с. 15].

Искусственное перенесение одного из самоназваний — *уйльта* — в качестве самоназвания для всех групп во многом определило характер процессов, происходящих внутри этноса. Указанный этноним не вырос изнутри этнической общности, а был внедрён под воздействием внешних факторов. Следовательно, он не является выражением оформленного этнического самосознания, будучи искусственно навязанным для консолидации родственных этнических групп [22, с. 80].

В качестве ещё одной версии можно предположить, что некоторые группы уйльта по своему происхождению связаны с тазами Приморья. Маньчжуры и китайцы называли *та-цзы* (*тадзы*) все народы Приамурья. И. Надаров констатировал, что «тазы составляют остаток когда-то бывшего воинственного племени», слово *таза*, по всей вероятности, происходит от *да-цзы*, означающего жителя северных стран, или *тацзы* (*та-таньцзы*) — «татары» [15, с. 15]. Это название в XIX в. распространилось на этнически смешанный состав китайцев и маньчжуров, переселившихся в бассейн р. Усури в Приморье. В 1846 г. миссионер отец Де-ла-Брюньер застал здесь: *шань-мяо-цзы* — «длинноволосых инородцев» (они не бреют головы), *юй-пъхи-дта-цзы* — «рыбокожих инородцев» (названы по одежде из рыбьих кож), *эль-яо-цзы* — «рыжеволосых инородцев» (почти вымершее тунгусское поколение) [7, с. 16]. Этимология названия *тазы* смутна, оно может иметь значение: «береговые жители», «окружающие люди»,

«скрывающиеся», «край, конец» и т.п. [17, с. 60]. В начале XX в. тазы, как отмечал В.К. Арсеньев, частью вымерли, частью ушли на север [3, с. 80]. Таким образом, в нивхском названии *тозунг* ~ *тазунг*, характерном для некоторых уйльта, можно найти параллели с *тазы* ~ *тадзы* — населением юга Приморья, имеющим смешанное этническое происхождение.

В свете развернувшейся дискуссии целесообразно рассмотреть функционирование в среде тунгусоязычных народов древнего наименования *нани*, известного и тунгусо-маньчжурам Сахалина [16, с. 855; 27, с. 9—10, 120; 18, с. 103; 25, с. 202]. Ещё В.К. Арсеньев заметил, что среди нанайцев, удэгейцев, ульчей, негидальцев, орочей распространён эндоэтноним *нани* [ПФРГО. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1 б. Д. 13. Л. 231] — самоназвание народностей южной или амурской ветви тунгусо-маньчжурской семьи языков: низовых нанайцев, ульчей, орочей и ороков о. Сахалин [17, с. 55]. Л.Я. Штернберг считал, что четыре народности Амурского края — ороки, орочи, мангуны (ульчи) и гольды (нанайцы) называют себя *нани* и, следовательно, несомненно, составляют одно племя [39, с. 10, 398]. Фонетический вариант *нанай* (*нанайцы*) стал официальным наименованием одного из этих народов. Ульчи называли нанайцев *голди ни* — «бритоголовые люди» [32, с. 9].

Большинство филологов-маньчжуристов, исходя из данных современных языков, выделяют в этнониме *нани* два компонента: *на* — «земля», «местность», *ни* (*най*) — «человек», т.е. слово означает «местный житель» [26, с. 45]. Сами ульчи, как и нанайцы, не переводят термин по смыслу, а воспринимают его как неделимое понятие, их собственное самоназвание [20, с. 6]. Возникновение самоназваний типа «люди», «настоящие люди», по мнению ряда исследователей, отражает этническое самосознание, окончательно выделившееся из первоначальной совокупности представлений человека о его принадлежности к некой социальной группе [11, с. 12; 36, с. 8—9, 12]. Такой принцип этнической идентификации отмечен у нивхов, которые, как и айны (*айну*), называют себя «человек» — *нивх* (*нивхгу*). Самоназвание негидальцев *элэкэм бэйэ* буквально означает «здесьшний», «местный житель».

О местных истоках племенного самоназвания *нани* свидетельствуют и данные топонимики. Так, орочи именовали о. Сахалин *Куи нани* («страна айнов»), уйльта — *Боата нани* («остров нани»). Как отметила Л.И. Миссонова, неслучайно уйльта, осваивая о. Сахалин, добавляли самоназвание *нани* к топонимам, обозначавшим, где были расположены их традиционные стоянки и места оседлого образа жизни их предков: *Дахи нани* (*нении*), *Найпугу нани* (*нении*) [13, с. 74]. Кроме того, сохранились близкие к *нани* названия уйльта северного и южного Сахалина: *дороннени* и *суннени* соответственно. Известно также, что северные ороки называли южных *сю-нень* (р. Поронай — *Сю-унини*), а те, в свою очередь, называли северо-сахалинских *доро-нень* (*Доро*, или *Доро-на-ни*, — Сахалин) [1, с. 246].

Исследователями отмечены названия некоторых других локальных групп: *варабайннени*, *найпутуннени*, *дахиннени* и др. Эти этнонимы образовались от гидронимов (названий рек и озёр) посредством составного суффикса *-ннени/-ннэни-*, обозначающего принадлежность к чему-либо и используемого в основном для обозначения людей. Так, *варабайннени* — люди, живущие в районе оз. Варабай, *найпутуннени* — жители местности р. Найпуту (Таран), *дахиннени* — жители местности р. Даги [25, с. 15].

Имена, заканчивающиеся на *-най (-нэй)*, впервые были зафиксированы у чжурчжэней (ср. имена мужчин правящего рода: X в. — *Агунай*, XI в. — *Угунай*, XII в. — *Дигунай*). В XVII в. имена на *-ни* в большом количестве встречаются в сказаниях восточных эвенков, эвенов и негидальцев (*Гарпани*, *Отани*, *Умусни* и др. — у эвенков; *Торгани*, *Улькини*, *Умусни* — у эвенов; *Куяны*, *Умусни* — у негидальцев) [5, с. 29]. Теория о племенном единстве субстратного народа Нижнего Амура и Сахалина с самоназванием *нани* в большей степени обоснована [21, с. 21; 23, с. 202; 27, с. 9—10, 120]. Этнологические исследования подтверждают гипотезу о существовании в прошлом на Нижнем Амуре и Сахалине автохтонного населения, вошедшего позднее в состав как тунгусо-маньчжуров, так и нивхов [23, с. 202; 28, с. 227].

Таким образом, имеется несколько точек зрения о происхождении этнонимов, которыми в разное время именовали народ уйльта. Обращение к конструктивистской теории этничности позволяет пока выйти лишь на уровень переосмысления фактического материала. Как показало исследование, эволюция этнонимии уйльта в значительной степени определялась внешними факторами, связанными с взаимодействием между рассматриваемыми этнографическими группами и контактными этносами, в особенности с их административным аппаратом в лице органов государственной власти разного уровня. Термины *ороки* и *орочёны*, господствовавшие в досоветское время, в конечном счёте сменяются столь же самодовлеющим термином *уйльта*, хотя все они по отношению к рассматриваемому островному этносу являются внешними, не аутентичными этнонимами, так как, вероятно, не существует «чистых» эндо- или экзоэтнонимов. Обширный круг этнонимов уйльта содержит в себе признаки, связанные с родом занятий. Некоторые этнонимы происходят от названия этнических групп. Большинство топографических этнонимов связано с местом обитания родов. Это позволяет сделать предположение, что на хронологическую шкалу существования этнонимов накладывается оценочное функционирование и их взаимоотношение носит ситуативный характер. Языковое и культурное родство, а также общность исторического пути уйльта с тунгусо-маньчжурами Приморья и Приамурья позволяют предположить, что их общее самоназвание *нани* более других характеризует идентичность самосознания части древнего племенного союза историко-культурной Амуро-Сахалинской области, что подтверждается теорией этноса [11, с. 7; 36, с. 7].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 420 с.
2. Алпатов Л.О. Сахалин. Путевые заметки этнографа. М.: Федерация, 1930. 165 с.
3. Арсеньев В.К. Сочинения: в 6 т. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. 220 с.
4. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
5. Василевич Г.М. Этнонимы в фольклоре // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 25—35.
6. Гальцев-Безюк С.Д. Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1992. 218 с.
7. Де-ла-Брюньер. Странствие по Маньчжурии отца Де-ла-Брюньера // Географические известия Русского географического общества. СПб., 1849. Вып. 1. С. 15—19.
8. Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII—XX вв. СПб.: Наука, 1994. 159 с.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Национальный состав и владение языками, гражданство: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: Статистика России, 2004. Т. 4. Кн. 1. 946 с.
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: Статистика России, 2012. Т. 4. Кн. 1. 847 с.
11. Крюков М.В. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 6—12.
12. Маевич А. Ороки в прошлом и настоящем // Краеведческий бюллетень. 1994. № 2. С. 11—31.
13. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 295 с.
14. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 654 с.
15. Надаров И. Очерк современного состояния Северно-Уссурийского края по результатам путешествия генерального штаба подполковника Надарова (1882—1883 гг.) // Сообщение в Обществе изучения Амурского края. Владивосток, 1884. С. 1—39.
16. Народы Сибири: этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
17. Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 44—69.
18. Озолина Л.В., Федяева И.Я. Орокско-русский и русско-орокский словарь. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2003. 294 с.
19. Петрова Т.И. Орокский язык // Языки народов СССР: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1968. С. 172—190.
20. Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
21. Пилсудский Б.О. Отчёт по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903—1905 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении. СПб., 1907. Вып. 7. С. 20—52.

22. Подмаскин В.В. Новая гипотеза о происхождении этнонимов «ороки» и «уйльта» // Восьмые Гродековские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конфер. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2015. Т. 3. С. 79—83.
23. Подмаскин В.В. Проблемы этногенеза и этнической истории тунгусо-маньчжуров: по материалам народных знаний (XIX—XX вв.) // Первые Шавкуновские чтения. Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня: сб. науч. ст. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 182—204.
24. Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела РГО в 1855 г. Р. Мааком. СПб.: Изд-во С.Ф. Соловьёва, 1859. 275 с.
25. Роон Т.П. Уйльта Сахалина: историко-этнографические исследования традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII — середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сахалинское обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.
26. Сем Л.И. Модели наименований лиц в тунгусо-маньчжурских языках (аналитические конструкции) // Вопросы лексики и грамматики языков народов Крайнего Севера СССР: вуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1983. С. 43—58.
27. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Этнографические исследования. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14. 155 с.
28. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 248 с.
29. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / под ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
30. Стариков В.С. Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собраниях МАЭ: вопросы о самобытности материальной культуры маньчжуров // Культура народов зарубежной Азии и Океании: сб. МАЭ. Л.: Наука, 1969. Т. 25. С. 74—114.
31. Старцев А.Ф. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.
32. Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 263 с.
33. Уилтадаирису. Говорим по-уйльтински: букварь / под науч. рук. Дзиро Икэгами. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2008. 108 с.
34. Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14—30.
35. Хаховская Л.Н. К проблеме происхождения этнонимов (на материале охотских эвенков) // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Материалы Междунар. науч. конф. III Широкогородские чтения. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 310—318.
36. Чеснов Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имён. М.: Наука, 1971. С. 6—13.
37. Шмидт Ф.Б. Сахалинская флора // Труды Сибирской экспедиции ИРГО. Физический отдел. Ботаническая часть. СПб., 1874. Т. 2. С. 85—233.
38. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Издание ИАН, 1883. Т. 1. 323 с.
39. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы / под ред. и с предисл. Я.П. Алькор (Кошкина). Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
40. ГАСО (Гос. арх. Сахалинской области).
41. ПФРГО (Приморский филиал Русского географического об-ва).

REFERENCES

1. Ageeva R.A. *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by*. Slovar'-spravochnik [What Tribe Do We Belong To? Peoples of Russia: Names and Destinies. Glossary]. Moscow, Academia Publ., 2000, 420 p. (In Russ.)
2. Alpatov L.O. *Sakhalin. Putevye zametki etnografa* [Sakhalin. Travel Notes of Ethnographer]. Moscow, Federatsiya Publ., 1930, 165 p. (In Russ.)
3. Arsen'ev V.K. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: In 6 Vols.]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1948, vol. 5, 220 p. (In Russ.)
4. Vasilevich G.M. *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [The Evenks: Historical and Ethnographic Essays (the 18th Century — the Early 20th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
5. Vasilevich G.M. Etnonimy v fol'klоре [Ethnonyms in Folklore]. *Fol'klор i etnografiya* [Folklore and Ethnography]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 25—35. (In Russ.)
6. Gal'tsev-Bezyuk S.D. *Toponimicheskii slovar' Sakhalinskoj oblasti* [Toponymic Dictionary of the Sakhalin Region]. Yuzhno-Sakhalinsk, Dal'nevost. kn. izd-vo, Sakhalin. otd-nie Publ., 1992, 218 p. (In Russ.)
7. De-la-Bryun'er. *Stranstvie po Man'chzhurii ottsa De-la-Bryun'era* [Father De La Bruniere's Journey through Manchuria]. *Geograficheskie izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Geographical News of the Russian Geographical Society]. Saint Petersburg, 1849, iss. 1, pp. 15—19. (In Russ.)
8. D'yachenko V.I., Ermolova N.V. *Evenki i yakuty yuga Dal'nego Vostoka XVII—XX vv.* [The Evenks and Yakuts of the Southern Far East in the 17th—20th Centuries]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1994, 159 p. (In Russ.)
9. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo: v 14 t.* [Results of the Russian Census of 2002. National Composition and Language Proficiency, Citizenship: In 14 Vols.]. Feder. sluzhba gos. statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2004, vol. 4, book 1, 946 p. (In Russ.)
10. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo: v 11 t.* [Results of the Russian Census of 2010. National Composition and Language Proficiency, Citizenship: In 11 Vols.]. Feder. sluzhba gos. statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2012, vol. 4, book 1, 847 p. (In Russ.)
11. Kryukov M.V. "Lyudi", "nastoyashchie lyudi" (k probleme istoricheskoy tipologii etnicheskikh samonazvaniy) ["People", "Real People" (On the Problem of Historical Typology of Ethnic Self-Names)]. *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic Onomastics]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 6—12. (In Russ.)
12. Maevich A. Oroki v proshlom i nastoyashchem [The Oroks in Past and Present]. *Kraevedcheskiy byulleten'*, 1994, no. 2, pp. 11—31. (In Russ.)
13. Missonova L.I. *Uyl'ta Sakhalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda* [The Sakhalin Uilta: Big Problems of the Indigenous Peoples]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 295 p. (In Russ.)
14. Murzaev E.M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [The Dictionary of Folk Geographical Terms]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, 654 p. (In Russ.)
15. Nadarov I. *Ocherk sovremennogo sostoyaniya Severno-Ussuriyskogo kraya po rezul'tatam puteshestviya general'nogo shtaba podpolkovnika Nadarova (1882—1883 gg.)* [An Essay on the Current State of the Northern Ussuri Region Based on the Results of the Journey of the General Staff of Lieutenant Colonel Nadarov (1882—1883)]. *Soobshchenie v Obshchestve izucheniya Amurskogo kraya* [The Report to the Amur Region Research Society]. Vladivostok, 1884, pp. 1—39. (In Russ.)

16. *Narody Sibiri: etnograficheskie ocherki* [The Peoples of Siberia: Ethnographic Essays]. Ed. by M.G. Levin, L.P. Potapov. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956, 1084 p. (In Russ.)
17. Nikonov V.A. Etonimiy Dal'nego Vostoka SSSR [Ethnonyms of the Far East of the USSR]. *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic Onomastics]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 44–69. (In Russ.)
18. Ozolinya L.V., Fedyaeva I.Ya. *Oroksko-russkiy i russko-orokskiy slovar'* [Orok-Russian and Russian-Orok Dictionary]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe kn. izd-vo Publ., 2003, 294 p. (In Russ.)
19. Petrova T.I. Orokskiy yazyk [Orok Language]. *Yazyki narodov SSSR: Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki* [Languages of the Peoples of the USSR: Mongolian, Manchu-Tungus and Paleoasiatic Languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 172–190. (In Russ.)
20. Petrova T.I. *Yazyk orokov (uyl'ta)* [Orok Language (Uilta)]. Leningrad, Nauka Publ., 1967, 156 p. (In Russ.)
21. Pilsudskiy B.O. Otchet po komandirovke k aynam i orokam o. Sakhalina v 1903–1905 gg. [Report on a Business Trip to the Ainu and Oroks of the Sakhalin Island in 1903–1905]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of the Central and East Asia in Historical, Linguistic and Ethnographic Terms]. Saint Petersburg, 1907, iss. 7, pp. 20–52. (In Russ.)
22. Podmaskin V.V. Novaya gipoteza o proiskhozhdenii etnonimov “oroki” i “uyl'ta” [A New Hypothesis about the Origin of the Ethnonyms “Oroks” and “Uilta”]. *Vos'mye Grodekovskie chteniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konfer.* [“The Eighth Grodekov’s Readings”: Proceedings of the International Research and Practical Conference]. Khabarovsk, KhKKM im. N.I. Grodekova Publ., 2015, vol. 3, pp. 79–83. (In Russ.)
23. Podmaskin V.V. Problemy etnogeneza i eticheskoy istorii tunguso-man'chzhurov: po materialam narodnykh znaniy (XIX–XX vv.) [Problems of Ethnogenesis and Ethic History of the Manchu-Tungus: The Case Study of Folk Knowledge (the 19th – 20th Centuries)]. *Pervye Shavkunovskie chteniya. Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya: sb. nauch. st.* [The First Shavkunov’s Readings. The Manchu-Tungus Problem Today: Collection of Scientific Papers]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008, pp. 182–204. (In Russ.)
24. *Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela RGO v 1855 g. R. Maakom* [A Journey to the Amur River made by R. Maak by Order of the Siberian Department of the RGS in 1855]. Saint Petersburg, Izd-vo S.F. Solov'yeva Publ., 1859, 275 p. (In Russ.)
25. Roon T.P. *Uyl'ta Sakhalina: istoriko-etnograficheskie issledovaniya traditsionnogo hozyaystva i material'noy kul'tury XVIII – serediny XX vekov* [Sakhalin Uilta: A Historical and Ethnographic Study of Traditional Economy and Material Culture from the 18th Century to the Middle of the 20th Centuries]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe obl. kn. izd-vo Publ., 1996, 176 p. (In Russ.)
26. Sem L.I. Modeli naimenovaniy lits v tunguso-man'chzhurskiykh yazykakh (analiticheskie konstruksii) [Models of Names of Individuals in Manchu-Tungus Languages (Analytical Constructions)]. *Voprosy leksiki i grammatiki yazykov narodov Kraynego Severa SSSR: vuz. sb. nauch. tr.* [Questions of Vocabulary and Grammar in the Languages of the Peoples of the Far North of the USSR: University Collection of Scientific Works]. Leningrad, LGPI im. A.I. Gertsena Publ., 1983, pp. 43–58. (In Russ.)
27. Sem Yu.A., Sem L.I., Sem T.Yu. Materialy po traditsionnoy kul'ture, fol'kloru i yazyku orokov. Dialektologicheskii oroksko-russkiy slovar' [Materials on Traditional Culture, Folklore and the Orok Language. Orok-Russian Dialectological Dictionary]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN. Etnograficheskie issledovaniya*

- [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS. Ethnographic Studies]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, vol. 14, 155 p. (In Russ.)
28. Smolyak A.V. *Traditsionnoe khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina: etnogeneticheskiy aspekt* [Traditional Economy and Material Culture of the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin: Ethnogenetic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 248 p. (In Russ.)
 29. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimologicheskoy slovaryu* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus Languages: Materials for the Etymological Dictionary]. Ed. by V.I. Tsintsius. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 2, 992 p. (In Russ.)
 30. Starikov V.S. Predmety byta i orudiya truda man'chzhurov v sobraniyakh MAE: voprosy o samobytnosti material'noy kul'tury man'chzhurov [Household Items and Tools of the Manchus in the Collections of MAE: Questions about the Identity of the Material Culture of the Manchus]. *Kul'tura narodov zarubezhnoy Azii i Okeanii: sb. MAE* [Culture of the Peoples of Foreign Asia and Oceania: MAE Collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, vol. 25, pp. 74–114. (In Russ.)
 31. Startsev A.F. *Oroki — orocheny, a ne uyl'ta! K probleme etnogeneza orokov Sakhalina* [Oroks are Oroqens, not Uilta! On the Problem of Ethnogenesis of the Sakhalin Oroks]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2015, 163 p. (In Russ.)
 32. Sunik O.P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulchi Language: Research and Materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 263 p. (In Russ.)
 33. *Uil'tadairisu. Govorim po-uil'tinski: bukvar'* [Uiltadairisu. We Speak Uilta: Primer]. Sci. sup. by Dziro Ikegami. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe kn. izd-vo Publ., 2008, 108 p. (In Russ.)
 34. Funk D.A., Zen'ko A.P., Sillanpyaya L. Materialy po sovremennoy kul'ture i sotsial'no-ekonomicheskoy polozeniyu severnoy gruppy uyl'ta [Materials on Contemporary Culture and Socio-Economic Situation of the Northern Uilta Group]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 3, pp. 14–30. (In Russ.)
 35. Khakhovskaya L.N. K probleme proiskhozhdeniya etnonimov (na materiale okhotskikh evenkov) [On the Problem of the Origin of Ethnonyms (on the Material of the Okhotsk Evenks)]. *Etnos i natsiya v usloviyakh globalizatsii: opyt i pretsedenty ATR*. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. III Shirokogorovskie chteniya [Ethnos and Nation in Globalization: Experience and Precedents of the Asia-Pacific Region. Proceedings of the International Scientific Conference “The Third Shirokogorov’s Readings”]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2008, pp. 310–318. (In Russ.)
 36. Chesnov Ya.V. Rannie formy etnonimov i etnicheskoye samosoznanie [Early Forms of Ethnonyms and Ethnic Identity]. *Etnografiya imen* [Ethnography of Names]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 6–13. (In Russ.)
 37. Shmidt F.B. Sakhalinskaya flora [Sakhalin Flora]. *Trudy Sibirskoy ekspeditsii IRGO. Fizicheskiy otdel. Botanicheskaya chast'* [Proceedings of the Siberian Expedition of the Imperial Russian Geographical Society. The Physical Department. Botanical Part]. Saint Petersburg, 1874, vol. 2, pp. 85–233. (In Russ.)
 38. Shrenk L.I. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya. Chasti geograficheskoy-istoricheskoy i antropo-etnologicheskoy* [The Indigenous Dwellers of the Amur Region. Geographical and Historical Part. Anthropological and Ethnological Part]. Saint Petersburg, Izdanie IAN Publ., 1883, vol. 1, 323 p. (In Russ.)
 39. Shternberg L.Ya. *Gilyaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ayny: stat'i i materialy* [Gilyaks, Orochs, Golds, Negidals, Ainu: Papers and Materials]. Ed. and introd. by Ya.P. Al'kor (Koshkina). Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)